

С. В. ЛУРЬЕ

Сектантство и партийность

Вопрос об образовании и существовании политических партий при переживаемом нами политическом кризисе стал одним из жгучих вопросов русской действительности. При всем богатстве и разнообразии политических форм западноевропейских стран, опыт наших культурных соседей в данном случае имеет для нас лишь относительное и условное практическое значение. Готовые шаблоны при очевидном своеобразии складывающихся специально-политических факторов оказываются непригодными для непосредственного пользования, и нам, по-видимому, суждено пробивать себе дорогу собственными усилиями. Трудное, но исторически неизбежное дело. Идти приходится непрерывно, часто ощупью, под натиском бурно разворачивающихся событий; путеводный свет отдаленных целей затемняется или иллюзорно преломляется в среде противоречивых и скрещивающихся запросов текущего политического момента; чужой опыт дает лишь условный и неверный критерий существенного и случайного; отклонения и заблуждения, фатально неустранимые, болезненны и тяжелы. При этих условиях, быть может, бесполезно от времени до времени оживлять в сознании те основные идеи, которые придают хаосу действительности разумность и смысл и оправдывают всю мучительность процесса политического роста.

Что такое политическая партия и чем она должна быть? Мы знаем два ответа, исходящих из, по-видимому, противоположных источников, но взаимно друг друга пополняющих и разъясняющих, и одинаково догматически определенных.

Для социального мировоззрения, признающего противоположность материальных интересов отдельных общественных групп основным фактором жизни, а классовую борьбу — явлением, исчерпывающим всю суть социальной эволюции, не мо-

жет быть сомнений и колебаний в ответе на поставленный вопрос. Организованная политическая партия есть форма организации экономической борьбы, и этим в достаточной мере должен определяться состав, характер и деятельность партии. По существу своему непримиримая, указанная доктрина не допускает в организации политических партий соглашения и компромисса; она не знает и не признает сложной гаммы цветов и оттенков и резко подчеркивает лишь контрасты белого и черного в обесцвеченной и до схемы упрощенной жизни. Мы знаем, как исторически возникла идеология социал-демократии в Германии и как практически она воплотилась в организованную политическую партию. Благодаря сравнительно здоровой политической атмосфере, возможности открытого выступления в строго законных формах, значительной культурности и дисциплинированности населения «партия разрушения» очутилась лицом к лицу с реальными общественными и общегосударственными интересами. Под напором настойчивых требований жизни ортодоксальная доктрина и вытекающая из нее непримиримая тактика пассивного сопротивления отступала и отступает, правда, медленно и в полном порядке, но все дальше и дальше, и нужно думать, что дальнейшая эволюция социал-демократии в Германии приведет к освобождению ее политической и экономической программы от давящих ее путь традиционных построений. На днях только на съезде в Мангейме маститый вождь социал-демократии откровенно признался «в глупости той тактики», которую он сам же проповедовал 30 лет тому назад¹. Быть может, недалеко то время, когда социал-демократия без оговорок и фикций будет участвовать в творческой законодательной работе германских палат и рейхстага². Социал-демократическая доктрина, к несчастью, перекочевала к нам только как доктрина, конечно, без той живой среды, которая ее породила. Благодаря особенностям нашей русской жизни, идеология всегда шла далеко впереди жизни, и западным ветром заносилась к нам смена идей, дававшие иногда на нашей неподготовленной почве лишь более или менее пышный пустоцвет. Но социал-демократия дала нам нечто большее и нечто худшее. По условиям нашего недавнего прошлого она должна была скрываться от света, — в нездоровой атмосфере подполья она приобрела черты сектантской исключительности и притушила всякое чутье к жизни у ее верных адептов. Преследования, которым подвергалась партия и ее пресса, окружали ее ореолом мученичества, только усиливали ее позицию и укрепляли веру в непогрешимость ее догматов. Борьба с нею дово-

дами и доказательствами уже невозможно; эти средства исчерпаны и бессильны; победить ее, отделить в ней здоровое ядро от случайного сора может только свободная, текущая в неизменном русле законности и права, общественная жизнь и культурное и политическое воспитание широких народных масс.

Поучительно сопоставление взгляда на сущность политической партии социал-демократии с требованиями, которые предъявляются политической партии со стороны философов-идеалистов. Деловая политическая программа не может и не должна служить единственной организацией политической партии. «Самостоятельностью политических ценностей характеризуется лишь безыдейная политика, руководимая интересом личным или классовым, как непосредственным выражением личного или группового эгоизма» *. Без полного единоверия не только политического, но и религиозного и философского невозможно это объединение, которое черпает свою силу в воодушевлении высшими духовными ценностями. Партия общенародная и всенародная «должна представлять собой единый духовный организм, иметь общую душу, общую мысль, общую волю, должна представлять собою сверхиндивидуальный, коллективный организм». Нетрудно видеть, что этим требованиям почти вполне удовлетворяет политическое сектантство «социал-демократии» (проф. Булгаков сам это подчеркивает), и если бы не было других возражений против тезиса С. Н. Булгакова, то этого одного факта было бы достаточно для того, чтобы подвергнуть сомнению его правильность и значение. Заметим попутно, что как ни велика пропасть, отделяющая марксизм от того идеализма, представителем которого является проф. Булгаков, по психологической их основе — вере в исчерпывающее значение догматических построений — они внутренне родственны: на переход от марксизма к идеализму, столь же возможный, как и обратный переход от идеализма к марксизму, мы должны скорее смотреть, как на калейдоскопическое превращение, чем как на естественную эволюцию религиозно-философского мировоззрения.

В утверждениях проф. Булгакова кроются некоторые существенные недоразумения, которые необходимо раскрыть для полного освещения вопроса. Прежде всего естественно возникает сомнение, возможна ли эта связь между «высшими духовными ценностями» и практической программой политической партии, при которой программа была лишь необходимым «выводом».

---

* С. Н. Булгаков, проф. Религия и политика // Полярная звезда. № 13.

Мне думается, что установление подобного рода логического взаимоотношения между религиозно-философскими воззрениями и практической программой есть психологическая ошибка и чрезмерное упрощение в действительности очень сложного отношения. Условия политической, культурной и хозяйственной жизни настолько разнообразны, образуют такую многочисленную комбинацию сплетений во всевозможных направлениях, что нет никакой возможности всегда и неизменно сводить их к основному общему принципу, и политическому деятелю, который, по словам проф. Булгакова, должен «вложить в проповедь всю свою веру, изложить всю свою религию и вылить, как вывод из нее, действительную программу партии», навязывается задача, превосходящая человеческие силы и даже, вероятно, неразрешимая вообще. В отдельных областях жизни мы постоянно сталкиваемся с такими сочетаниями и группировками фактов, для которых общие критерии оказываются совершенно непригодными; желательность или нежелательность включения в практическую программу тех или иных положений может быть выяснена не на основании их логической связи с религиозно-философскими предпосылками (часто эта связь и вовсе не может быть установлена), а независимо от них по соображениям целесообразности и осуществимости. Само собою разумеется, что этические представления об общем благе и социальной справедливости являются в конечном счете тем общим фоном, по которому политик разрисовывает детали своей деловой программы; но представления эти слишком общи и, так сказать, слишком элементарны для того, чтобы из них можно было извлекать логическим путем определенные практические следствия. Наконец нередки случаи, когда установление известного практического требования оказывается в противоречии с отвлеченно взятым общим и обязательным принципом, а исключение этого требования вызывает коллизию с другим принципом, столь же всеобщим и обязательным в его отвлеченной формулировке. Всякого рода ограничения индивидуальной свободы логически несомненно противоречат принципу самоцельности и высшей ценности человеческой личности; неограниченная свобода личности, с другой стороны, очевидно, несовместима с основными требованиями общего блага. Если даже допустить, что взаимно исключающие друг друга принципы могут быть объединены в каком-либо высшем синтезе, составляющем предмет религиозного верования или философского убеждения, то и тогда немыслимость его применения как критерия к отдельным категориям явлений практической жизни ясна само собою.

Еще в одном отношении взгляд проф. Булгакова вызывает недоумения. В человеческой психике религиозные элементы настолько переплетены с элементами этическими, эстетическими и философскими и сочетание их настолько разнообразно, что при столкновении с природою и жизнью, в свою очередь, бесконечно многообразною, выделение тех или иных элементов и анализ их соотношений может быть задачей, полной глубокого интереса для психолога, по совершенно бесцельной с точки зрения практической политики. Нет основания поэтому связывать программу партии в частности с религиозными верованиями человека, игнорируя единый и сложный аппарат душевной жизни. Для политической партии важен лишь известный душевный подъем, дающий возможность объединиться на почве программы, обещающей максимум возможного блага. Здесь мы, по-видимому, подходим к существенному моменту в вопросе о политических партиях. Если бы политические партии были теми духовными организмами, о которых говорит проф. Булгаков, и каждая считала бы себя обладательницей той высшей религиозной истины, из которой как вывод вытекает действительная программа партии, то трудно учесть все те осложнения, которые возникли бы на почве политической борьбы: она приобрела бы тенденцию вырождаться в гражданскую и религиозную войну. Высшие религиозные истины, или почитаемые таковыми, ревнивы и властны; они не допускают соглашений и уступок; они требуют всего для себя и беспощадны к противнику. Чего можно было бы ждать от политической борьбы нашей социал-демократии с «истинно русскими людьми», если бы не было нейтральной среды, принимающей на себя часть ударов с той и другой стороны? Пусть не возражают, что это неубедительный пример противоположных крайних партий. Для обладателей абсолютной истины все партии, полностью не принимающие ее, одинаково крайние, одинаково ненавистные и, принимая в расчет психологию борьбы масс, одинаково подлежащие истреблению. То, к чему можно и должно стремиться, и что для нашего едва рожденного конституционализма является одним из необходимых условий здорового роста, есть устранение из собственно политической борьбы тех высших ценностей, которые являются высшим благом культурного человека. Взгляд проф. Булгакова требует, чтобы политическое разномыслие начиналось с самых глубин души, с самых интимных и дорогих для личности святынь религии, этики и философии. Я полагаю, что здоровая и нормальная (поскольку здесь вообще может быть речь о какой-либо норме) политическая

жизнь может быть осуществлена только тогда, когда духовная работа интеллигенции и широкое распространение просвещения в народных массах создадут известную культурную сферу, которая, оставаясь вне политической борьбы, вне ее страстей и неизбежных крайностей, будет ее основой и отправной точкою. Всякая политическая деятельность предполагает оппортунизм, компромисс и соглашение; прямолинейный «максимализм» есть политическое безумие. Следует поэтому по возможности устранять из борьбы то, что по существу своему не может идти на уступки и компромиссы. Не говоря уже о том, что высокая культурная среда является тем буфером, который смягчает столкновения и удары, она возвышает и облагораживает самую борьбу, придает ей истинно человеческую форму, спасающую самих борцов от жестокости и нравственного одичания. Всякий, кому приходилось наблюдать политическую жизнь в культурных странах Запада не мог не видеть того спокойного и доброжелательного отношения, с которым политические противники находят возможным совместно работать в областях, затрагивающих общие культурные интересы, и какие недостойные формы, как в некоторых случаях во Франции, принимает борьба, лишь только в политику втягиваются «высшие ценности». Из этого практический вывод возможен только один. Дифференциация общественных групп в политические партии должна всегда предполагать некоторую общую культурную почву и опираться на нее. Работа над установлением этой культурной общности, необходимого условия здоровой политической эволюции, столь же ценна в политическом отношении, как и в общекультурном. В трудное время, которое мы переживаем теперь, все силы наши должны быть направлены на то, чтобы партийное разномыслие, необходимое и законное, не выходило за пределы, ему свойственные. Будем помнить, что в опасности наша культура, в опасности нравственные устои общежития, в опасности лучшие и ценнейшие блага человека. Будем помнить об «умопостигаемом мире» всего пережитого и добытого человечеством ценою неимоверного напряжения и неисчислимых страданий; будем помнить, что мы не только правопреемники, но и душеприказчики этого великого наследия, и наш долг мужественно и стойко отражать всякое посягательство на него, от кого бы оно ни исходило, — от революции или от реакции.

